

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17244

EDN: WJUKTA

Соблюдают ли былинные богатыри заповеди Христа? Этика и поэтика сюжета и жанра

А. С. Миронов

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: arsenymir@yandex.ru

Аннотация. В эпосоведении с шестидесятых годов XIX в. господствует мнение, что православные смыслы в былинах не являются первичными, но должны быть поняты как нечто поверхностное, позднейшее, скрывающее от исследователя подлинные смыслы эпоса. Согласно этой точке зрения, ничего содержательно-христианского, никаких отзвуков евангельского текста русская героическая поэзия сохранить не может. Между тем результаты аксиологического анализа былин показывают, что их герои, поступающие в соответствии с новозаветными Заповедями блаженства, неизменно побеждают и торжествуют (как, например, Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович). Напротив, погибают те персонажи, кто — будучи мотивирован личной славой, имущественно-знаковой честью и другими ценностями «ветхого человека» — эти заповеди нарушает (среди них, в частности, Василий Буслаев, Дунай Иванович и Сокольник). Поступки протагонистов, ориентированные на исполнение Заповедей блаженства, обеспечивают композиционную основу русских эпических песен, имеют сюжетообразующее значение и поддерживаются ключевыми образами-символами. Подобная сюжетная закономерность позволяет со всей однозначностью говорить о том, что условно «языческие» модели поведения в былинах не могут считаться их древнейшим смысловым слоем: эти модели создавались одновременно с моделями евангельскими по соображениям этического и эстетического контраста. Девальвация нехристианских поведенческих моделей есть функциональная задача былинного сказителя, реализуемая им при помощи логико-темпоральной корреляции между мотивирующей поступок аксиологической категорией и неблагоприятными последствиями этого поступка.

Ключевые слова: былины, Заповеди блаженства, художественная семантика, аксиологический анализ, сюжет, мотивация, христианские ценности, нехристианские ценности

Для цитирования: Миронов А. С. Соблюдают ли былинные богатыри заповеди Христа? Этика и поэтика сюжета и жанра // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 3. С. 7–29. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17244. EDN: WJUKTA

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.17244

EDN: WJUKTA

Do Russian Epic Warriors Keep the Commandments of Christ? Ethics and Poetics of Plot and Genre

Arseny S. Mironov

*D. S. Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: arsenymir@yandex.ru

Abstract. Since the 1960s, epic scholars have been of the opinion that the Orthodox images and motifs in Russian bylinas are not original, but rather relatively modern and therefore semantically external, even obfuscating the songs' actual meaning. According to this view, Russian heroic poetry cannot preserve anything of Christian substance or any echoes of the Gospel text. Meanwhile, the axiological analysis of the epics shows that their heroes, who act in accordance with the New Testament Beatitudes, invariably triumph and emerge as victorious (as, for example, Ilya Muromets, Dobrynya Nikitich, and Alyosha Popovich). By contrast, the other heroes — who are motivated by personal fame, honor tied to property and status, and similar values of the “old Adam” — break these commandments only to lose their lives (among them are, in particular, Vasily Buslaev, Dunay Ivanovich, and Sokolnik). The protagonists' Beatitudes-guided actions form the structural foundation of Russian epic songs; they also play a plot-shaping role and are emphasized by key symbolic images of each work. This narrative pattern makes it possible to state unequivocally that the so-called “pagan” behavioral models of bylinas cannot be regarded as their most ancient semantic layer; these models were created simultaneously with the Gospel ones for reasons of ethical and aesthetic contrast. At the same time, the devaluation of non-Christian behavioral models is a functional task of the epic singer, who solves it through a logical and temporal relationship between the axiological category that motivates a hero's action and the negative consequences of that action.

Keywords: bylinas, the Beatitudes, artistic semantics, axiological analysis, plot, motivation, Christian values, non-Christian values

For citation: Mironov A. S. Do Russian Epic Warriors Keep the Commandments of Christ? Ethics and Poetics of Plot and Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2026, vol. 24, no. 3, pp. 7–29. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17244. EDN: WJUKTA (In Russ.)

.....

В пространстве былинного мира доминируют «Еросолим» с Гробом Господним, святыни «Царя-града» и Киева; эпическое время размечено церковными праздниками, постами (Петровский, Ивановский, Ильинский) и службами: утренья, обедня, вечерня. Здесь действуют Богородица и святые, звучат «звоны колокольные» и «четырь-петьё церковное», а предметный мир русских эпических песен немыслим без святых образов. Молитвы богатырей «доходны ко Господу»: именно молитва помогает Добрыне Никитичу избежать гибели от Змеи¹, а Илье Муромцу — освободиться от оков и победить Калина-царя²; помолившись, Василий Казимирович с честью завершает опаснейшее посольство³; в старине про Вавилу и скоморохов «девиця» из сострадания молится о путниках и получает благословение святых⁴; княгиня Апраксия, хорошо зная ценность молитвы, уговаривает жителей Киева служить службы Спасу и Богородице в момент опасности⁵; наконец, отец юного богатыря Михайло Даниловича просит Бога о помощи сыну, и последний прямо говорит о том, что обязан жизнью отцовским «молитвам... пустынным»⁶. Между тем, начиная с А. Н. Афанасьева [Афанасьев] и Ф. И. Буслаева [Буслаев], в отечественном эпосоведении утвердилось мнение, согласно которому христианские реалии в богатырских старинах следует расценивать как результат того, что за время бытования эпоса в крестьянской и казачьей среде его «языческие» смыслы были замещены элементами формально-обрядового православия.

¹ Добрыня Никитич и отец его Никита Романович (Бой со змеем) // [Гуляев С. И.] Былины и исторические песни из Южной Сибири. Новосибирск: Новосиб. обл. гос. изд-во, 1939. С. 49.

² Илья Муромец и Каин // Русские былины старой и новой записи. М.: Скоропечатня А. А. Левенсона, 1894. С. 46.

³ Василий Казимирович // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типолит. Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 266–267.

⁴ Путешествие Вавилы со скоморохами // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. СПб.: Тропа Троянова, 2002. Т. 1. С. 381.

⁵ Михайло Данилович // Беломорские старины и духовные стихи: собрание А. В. Маркова. СПб.: Дмитрий Булагин, 2002. С. 574.

⁶ Данило Игнатъевич с сыном // Песни, собранные П. В. Киреевским. М.: Тип. А. Семена, 1861. Вып. 3. С. 50.

Подобное замещение теоретически возможно в отношении этикетных практик, характерных для былинных героев. Но как быть с главным и неотъемлемым смыслом любой эпической песни, который непосредственно соотносится с героическим поступком, подвигом? Такой поступок, связанный с риском для жизни, всегда мотивируется некой ценностью, превышающей для персонажа значение его собственной жизни. Кроме того, подвиг обязательно имеет для актора положительные или отрицательные последствия, и по характеру этих последствий слушатели делают выводы о том, является ли мотивирующая ценность истинной или ложной, а демонстрируемая модель поведения — приемлемой и актуальной.

Поведенческие модели в былинах — как приемлемые, так и неприемлемые для традиционной аудитории — имеют сюжетообразующую функцию; они эстетически поддерживаются ключевыми образами-символами и являются идейно-художественным, смысловым ядром той или иной песни. При повреждении этого смыслового ядра былина перестает существовать как единство формы и содержания. Так является ли рассматриваемый смысловой уровень русских эпических песен христианским по своей сути? Сказители былин — все без исключения воцерковленные православные люди — были, безусловно, знакомы с евангельскими Заповедями блаженства (Мф. 5:3–12): так называемые «блаженны» поются во время воскресной службы почти каждое воскресенье. Но соответствуют ли этим заповедям поступки былинных героев?

Чтобы ответить на этот вопрос, нами был произведен аксиологический анализ известных науке былинных записей, результаты которого представлены ниже.

1. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:3)

Это первая из девяти Заповедей блаженства, которые были даны Иисусом Христом в Нагорной проповеди. Святитель Иоанн Златоуст поясняет, что «нищие духом» — это «смирненные и сокрушенные помыслом», те, кто «боятся и трепещут заповедей Божиих»⁷.

⁷ Иоанн Златоуст. Беседы на евангелиста Матфея. М.: Син. тип., 1886. Ч. 1. С. 259.

Илья Муромец, сняв осаду с Чернигова и сразив Соловья-разбойника, въезжает в Киев. Куда же он направляется прежде всего? Он идет в храм: богатырь кается в убийстве иноземных воинов, осадивших Чернигов:

«Как встава-то Илья перед святым Богом...

<...>

Как молитву творит полну Иисусову...»⁸.

Певец Василий Петрович Щеголёнок передает покаянную молитву богатыря:

«— Не исполнил старóй казак Илья Муромец

— Заповеди я той да Божией... <...>

— Окровавлены руки да во человечесю кровь»⁹.

Следует обратить внимание на слова Ильи Муромца: «Не исполнил <...> Заповеди я той да Божией». Они явным образом соотносятся с приведенным выше толкованием Иоанна Златоуста: «нищие духом» — это те, кто «боятся и трепещут заповедей Божиих».

Заметим, что охваченный страхом победитель невозможен в аксиологической системе дохристианской (или же внехристианской) эпикей; такое поведение немислимо в случае Ахиллеса или героев якутских олонхо. Однако для Ильи Муромца шестая заповедь («Не убий») имеет абсолютную ценность даже в случае с агрессорами, врагами; именно ее и «трепещет» герой.

Могучий богатырь Данила Игнатьевич, сознавая тяжесть своих грехов, отпрашивается у князя Владимира на покаяние в монастырь:

«Было у меня погражено-покуряжено;

А под старость летнать душа спасти...»¹⁰.

Боярин Никита Романович удаляется от мира — плакать о своих грехах, включающих в себя нарушение заповеди

⁸ Исцеление Ильи Муромца // Былины: в 25 т. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1. С. 331.

⁹ Первые подвиги Ильи Муромца // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1896. Т. 2. С. 314.

¹⁰ Михайло Игнатьевич (Данилович) // Беломорские старины и духовные стихи. С. 335.

«Не убий» (певец упоминает о том, что ранее «Снёс де Микита шестьдесят боев»¹¹).

Покаяние — характерный выбор русских эпических героев. Под конец жизни богатырь отправляется нищим богомольцем, пешком и без оружия, на Святую землю:

«Итти к городу еще Еросóлиму,
Как Господу там Богу помолитися...
<...>
Госпóднёму да гробу приложитися»¹².

Искренне раскаивается в своем грехе и княгиня Апраксия, подбросившая в дорожную суму калики-богатыря Касьяна золотую чарку князя Владимира. Узнав о казни Касьяна по ложному обвинению в краже, героиня публично признается в содеянном:

«А я положила чяру фсё серебрянну!
А и змолиласе молитвою великою»¹³.

Однако, если персонаж не способен покаяться, по законам былинного мира его ждет гибель. Так происходит, например, с новгородским героем Василием Буслаевым (упорствующим грешником, кощунником и убийцей) в сюжете о его богомолье.

2. «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4)

О своих грехах плачет перед казнью юная Олёна, сестра Петровичей-Сбродовичей. Братья хотят казнить ее за позор, который девица навлекла на свой род греховной связью с Алешей Поповичем. Героиня кается в содеянном и готовится к смерти; она пытается очиститься душевно и телесно:

¹¹ Бой Добрыни с Ильей Муромцем // Беломорские старины и духовные стихи. С. 436.

¹² Илья Муромец и Идолище // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. С. 327.

¹³ Сорок калик с каликою // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. Т. 3. С. 56.

«Дайте сроку до бела свету
Смыть с лица бела белилицька,
Сотереть с лица алы руменецька...»¹⁴.

Олёна просит отвезти ее в церковь; оказавшись в ее стенах,

«Она стоит да тут Богу молиться;
А слезами она да умывається,
А горём она поттирається»¹⁵.

Затем Олёна упоминает об одном человеке, который непременно будет плакать, узнав о ее смерти:

«Иной надо мной слезно расплацтыться»¹⁶.

Как логично предположить, слезы сострадания проливает Алеша Попович, думая об Олёне, — и приходит к ней на помощь. За мгновение до казни он спасает девицу, предлагая стать ее законным супругом.

Жениться на осужденной и публично опозоренной — поступок совершенно невозможный для героя «языческого» типа, для которого честь жены (ее красота, благородство, высокие личные качества) является эквивалентом его собственной личной чести.

Ранее Алеша согрешил тем, что хотел увести у Добрыни Никитича его супругу Настасью Микуличну, о которой шла слава как о лучшей богатырской жене («Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича», «Добрыня и Алеша»). Теперь же слезы сострадания очищают душу героя от тщеславных помыслов и плотского вожделения.

В былинах плачущие всегда обретают утешение. Так, например, плачут жители «Царя-града», угнетаемые Идолищем, — и оказываются спасенными Ильей Муромцем; плачет князь Владимир, чью законную жену бесчестит Тугарин, — и оказывается спасенным Алешей Поповичем.

¹⁴ Алеша Попович и сестра Петровицей-Збродовичей // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. Т. 1. С. 279.

¹⁵ Алеша Попович и сестра Петровицей // Там же. С. 372.

¹⁶ Алеша Попович и сестра Петровицей-Збродовичей // Там же. С. 279.

3. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5:5)

Былинные певцы отмечали три главных качества рязанского боярина-богатыря Микиты Романовича, отца Добрыни.

Во-первых, «кабы умной-от был, право, разумной же»; во-вторых, «а удалой-от был, да он едрёной же / Он имел в себе силу да богатырьскую». И наконец певец называет такое качество русского богатыря, которое в эпосах языческих народов не считается положительным: «Кабы тихой-от был, да он смирёной же»¹⁷.

Некогда простой богатырь Михайло Потык, ставший властителем Афромеева царства, совершает вместе с другими богомольцами паломничество на Святую землю под именем калики Касьяна. Как же он поступает, когда на него клеветает княгиня Апраксия, а другие калики, обвинив в воровстве, собираются его казнить? Михайло кротко переносит обвинения в воровстве и готовится претерпеть страдания:

«Уж вы ой еси, робята добры молодцы!
<...>
Кабы этой яле чашки да не причинен был...
<...>
Кабы чё надо мной хотите делайте!»¹⁸.

Касьяна закапывают по грудь в землю и оставляют умирать; Бог, однако, совершает чудо и сохраняет его в живых. Как же поступает герой, когда снова встречается с теми, кто пытался казнить его? Он обращается к своим бывшим спутникам со следующими словами:

«Уж вас Бох простит да во таком греху!
Я прошшаю вас да во таком греху»¹⁹.

А когда Касьян встречается с оклеветавшей его княгиней, теперь неизлечимо больной, покрытой смердящей коростой, — попытается ли он отомстить ей?

«И пришол-то Михайлушко, слёзно Богу молитце;
Он ведь дунул своим-то всё святым духом.

¹⁷ Добрыня Никитич и змей // Былины: в 25 т. Т. 1. С. 170.

¹⁸ Сорок калик // Там же. Т. 2. С. 20.

¹⁹ Сорок калик со каликою // Беломорские старины и духовные стихи. С. 368.

У ей свалились корóсты да ведь вси от ей;
Она зделалась ведь здрава-здоровёхонька»²⁰.

Когда Илья Муромец впервые появляется при дворе князя Владимира, он слышит насмешки и обвинения во лжи: никто из присутствующих, включая киевского правителя, не верит, что «мужик-деревенщина» мог сразить Соловья. Илья, однако, не гневается, но смиренно предлагает князю самому послушать, как свистит поверженный враг («Первая поездка Ильи Муромца»). С кротостью переносит этот герой и заточение в темнице, куда он попадает безвинно, по навету бояр («Илья Муромец и Калин-царь»).

Вообще способность не мстить за личное оскорбление — характерная черта Ильи Муромца, по которой его и узнают. Юный и дерзкий Добрыня понимает, что сражается с Муромцем именно в тот момент, когда последний поддается ему. Илья делает это намеренно, стремясь вразумить заносчивого юношу; Добрыня же догадывается, что у Ильи достаточно сил для победы, но старый богатырь проявляет к нему снисхождение — следуя просьбе его, Добрыни, матушки:

«Ты не буди ты спальчив, буди милосьлив!»²¹.

Знакомство с Ильей преображает юного Добрыню: он и сам становится кротким, милостивым. В будущем, когда Алеша Попович попытается обманом заполучить жену Добрыни, последний, вернувшись неузнанным на свадьбу своей супруги, не казнит его — в отличие от Одиссея, Алпамыша и других оскорбленных эпических персонажей, которые в подобной ситуации неизменно убивают своих соперников.

4. «Блаженны алчущие и жаждущие правды...» (Мф. 5:6)

В былинах алчущие и жаждущие правды — это люди с богатырским сердцем, ревнующие о Божьих установлениях на земле, о таинствах Церкви и ее святынях.

Как поступает Илья Муромец, узнав, что в «Цари-граде» захвативший город Идолище запретил упоминать Христа

²⁰ Сорок калик со каликою // Беломорские старины и духовные стихи. С. 116–117.

²¹ Бой Добрыни с Ильей Муромцем // Там же. С. 438.

и теперь нищие не смеют просить во имя Его подаяние? Сердце Ильи разгорается, он решает узнать, правда ли это. Богатырь надевает нищенское платье и безоружным, пешим идет в Царьград. Войдя в город, герой замечает, что

«Не по-старому у них, не по-прежнему,
Все попы-отцы духовные повыведены...»²².

Илья просит кружку пива ради Христа — и получает от горожан следующий ответ:

«Не давайте у нас пивцё Христа ради,
А давайте у нас да ради Идола!»²³

Оглянувшись по сторонам, богатырь с изумлением и гневом вопрошает:

«Да почему-то у вас нет звону колокольного?
Ише почему-то у вас нет, не слышать петья-четья церковного?
Ише почему у вас не ходит нишша братия?
Ише почему не прославлят-то имени Христового?»²⁴.

В следующем эпизоде главный герой встает на центральной площади против царских палат и начинает громогласно просить, не боясь разозлить узурпатора:

«Ай подай-ко, подай милостинку мне спасёную,
Ты подай, подай мне ради-то Христа, Царя Небесного,
Ради Матери Божьей, Царицы Богородицы»²⁵.

Другая ценность, за которую стоит Илья, — законная власть христианского правителя. Именно поэтому богатырь и приходит на помощь греческому царю Константину Боголюбовичу — пусть даже у первого нет перед вторым никаких обязательств. Как можно видеть, русский герой действует бескорыстно, руководствуясь представлением об одной только правде Христовой.

²² Отрывок из былины // Былины Печоры и Зимнего берега: [Новые записи]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 426.

²³ Илья Муромец и Идолишко // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. Т. 1. С. 290.

²⁴ Отрывок из былины // Былины Печоры и Зимнего берега. С. 426.

²⁵ Илья Муромец в изгнании и Идолище // Беломорские старины и духовные стихи. С. 188.

Благочестивый гнев, желание восстановить правду — поруганную святыню христианского брака — движут и Алешей Поповичем. Вспомним слова Христа в Евангелии от Матфея: «...что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6). Приехав в Киев, Алеша видит, что Тугарин на пиру занял место между князем и княгиней; в этот момент богатырское сердце, алчущее Божией правды, охватывает благочестивая ярость:

«Гой еси ты, ласковой сударь Владимир-князь!
Что у тебя за болван пришел,
Что за дурак неотесоной?
Нечестно у князя за столом сидит,
Ко княгине он, собака, руки в пазуху кладет,
Целует во уста сахарныя...»²⁶.

Пятнадцатилетний Алеша еще не находится на службе у Владимира и поэтому не имеет перед ним формальных обязательств; более того, князь только что обесчестил героя, уделив ему худшее место на пиру. В такой ситуации персонаж любого «языческого» эпоса не стал бы приходить Владимиру на помощь. Но протагонист русской былины бросает могущественному Тугарину вызов — он встает за Божью правду, за святыню христианского брака, который в былинах так и называется: «закон Божий»²⁷.

После того как юный герой побеждает Тугарина, он надевает на себя драгоценный доспех последнего, садится на его летящего коня, — и княгиня Апраксия, соблазненная красотой и славой Алеши, готова сделать его своим новым любовником. Богатырь теперь может занять место Тугарина во главе стола; может отомстить Владимиру за то, что тот посадил его на «низкое» место. Однако алчущий и жаждущий правды неспособен пойти на соглашение со злом; пристыдив княгиню, Алеша уклоняется от греха.

²⁶ Алеша Попович // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977. С. 102–103.

²⁷ См. в частности: Чурило и неверная жена Перемякина // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. Т. 3. С. 73; Про князя Михайлу // [Гуляев С. И.] Былины и исторические песни из Южной Сибири. С. 128.

5. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5:7)

Садко, главный герой одноименной былины, играет на гуслях, потешая Морского Царя; от пляски последнего поднимается буря и топит корабли. Корабельщики молятся св. Николаю (Николе), и тот является гусляру с просьбой прекратить игру. Преображение Садко происходит в тот миг, когда его сердце разгорается состраданием к тонущим на море. Разрывая струны, герой рискует разгневаться Морского Царя, во власти которого находится. Но Садко забывает о себе, его цель — спасти несчастных. И этот акт милующего сердца приносит ему покровительство св. Николая, который подсказывает гусляру как освободиться из плена в Подводном Царстве.

Именно страдающее сердце побуждает простого крестьянина Вавилу откликнуться на призыв святых Кузьмы и Демьяна, явившихся к нему в образе скomoroxов, — и отправиться вместе с ними в далекое путешествие («Вавила и скomoroxи»). Вместе они спешат на помощь жителям Инишшого царства, страдающего под властью царя-колдуна Собаки.

В Евангелии от Матфея находим следующие слова: «...алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня» (Мф. 25:35). И далее: «...истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40).

Вспомним в этой связи начало былины об исцелении Ильи Муромца, когда томимые жаждой странники просят у будущего богатыря напиться. Рассудком Ильи понимает, что не может выполнить их просьбу, и даже говорит об этом каликам, но сердцем подвигается на помощь просящим. Певцы хорошо помнят, что к Илье в образе калики является сам Спаситель с двумя ангелами или апостолами. Таким образом, начало былины об исцелении Ильи Муромца есть довольно точная иллюстрация к цитированным выше стихам Евангелия от Матфея.

«Буди милостив»²⁸, — просит Илью Муромца матушка юного Добрыни. Героиня понимает, как нелегко будет простить ее заносчивого, дерзкого на язык сына, охваченного желанием личной славы. Сам Добрыня в юности *не был* милостив к своим

²⁸ Бой Добрыни с Ильей Муромцем // Беломорские старины и духовные стихи. С. 438.

противникам, но безжалостно калечил их, благодаря чему и разнеслась о нем молва по всему миру как о лучшем борце.

Узнав про жестокого силача, Илья собирается положить конец его бесчинствам. Именно об этом догадывается матушка Добрыни — и обращается к Муромцу со следующей просьбой:

«Не моги ёго (Добрыню. — А. М.) убить, моги помиловать
Хошь не ради ёго, да ради меня вдовы...»²⁹.

В Евангелии от Луки читаем: «...будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6:36). И хотя Добрыня оскорбляет незнакомого ему старца-богатыря, тот поступает по словам Спасителя: не только поддается Добрыне, оставляет его в живых, но и братается с ним и хвалит за смелость:

«Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитиць млад!
Ты глупёхонёк — стало быть, молодёхонёк.
Верно храбрость в тебе богатырская;
Не напрасно прошла-то слава великая»³⁰.

Так милосердие и любовь превращают Добрыню из обидчика и себялюбца в самоотверженного защитника Руси, Божьих святынь и страдающих людей.

Богатырь Бермята готов простить свою неверную жену Катерину, согрешившую с «бабьим угодником» Чурилой («Чурила и Катерина»). Обманутый муж, очевидно, руководствуется в данном случае следующими словами Христа: «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44).

Наконец, «змея подколодная» (враг, явный представитель «чужого мира») выползает из леса, чтобы попросить Михайло Потыка залить водой горящий куст, в котором находится ее «тёпло гнездышко» с «детьми малыя»³¹, — и русский богатырь без раздумий выполняет просьбу. В этом смысле он действует подобно доброму самарянину новозаветной притчи, который из сострадания помогает раненному путнику — хотя последний также является «чужим» для него.

²⁹ Бой Добрыни с Ильей Муромцем // Беломорские старины и духовные стихи. С. 309–310.

³⁰ Там же. С. 199.

³¹ Михайло Потык // Былины: в 25 т. Т. 4. С. 117.

6. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8)

Обратимся сначала к другой евангельской цитате: «...из сердца [человека] исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодения, кражи, лжесвидетельства, хуления...» (Мф. 15:19).

Отец Ильи Муромца, крестьянин Иван Тимофеевич, благословляя своего сына на богатырское поприще, дает ему заповедь, не вписывающуюся во внехристианскую бинарную логику «своего» и «чужого»: «Ни помысли злом на татарина, / Ни убей в чистым поле хресьянина»³². Борьба со злом на внутреннем, духовном уровне, избегание злых помыслов даже о врагах — в мире русского эпоса все это совершенно необходимо для успешного исполнения «работы богатырской».

Илья строго исполняет данную ему заповедь и даже наставляет в ней других богатырей — в частности, Алешу Поповича:

«Припадаи-ко к земле да юхом правым,
Не стуцит ле де-ка матушка сыра земля,
Не дерутца ле где... богатыри:
Кабы два ноньце руських, дак помирить надо,
Кабы два ноньце неверных, дак прогонить надо»³³.

Мы находим здесь немислимую для «языческих» эпосов модель поведения: представителей «чужого» мира нужно не уничтожить, присвоив их имущество, но — «прогнать», прекратить ссору; так может поступать только тот, в чьем сердце нет гнева, злых помыслов, жажды крови.

При всех своих недостатках — влюбчивость, неразборчивость в людях, страсть к азартным играм — былинный князь Владимир также обладает чистотой сердца. Киевский правитель до последнего противится злым помыслам, которые пытаются внушить ему клеветники-бояре; он отказывается верить в то, что Илья Муромец злоумышляет против него:

«И говорил же тут князь да стольникиевской:
"Как перву-ту вину и Бог простит"»³⁴.

³² [Первая поездка Ильи Муромца] // Илья Муромец. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 26.

³³ Бой Добрыни с Дунаем // Былины: в 25 т. Т. 1. С. 575.

³⁴ Заключение оклеветанного Ильи Муромца в погреб и спасение им Киева от Кудреванища-царя // Архангельские былины и исторические

Сложно вспомнить другого эпического властителя, который был бы способен с таким спокойствием выслушивать вести о готовящемся против него заговоре. Князь отказывается верить клеветникам, которые не унимаются и повторно подступают с наговорами:

«Говорыл же тут князь да стольнекиевской:
"Как фтору-ту вину ишше Бог простит"»³⁵.

Чистота сердца позволяет русским эпическим героям быть «неупадчивыми» на грех. Так, например, юные богатыри Алеша Попович и Еким Иванович сразу же отвергают нечистые, блудные помыслы — поехать в Чернигов, который славен тем, что там можно «спознаться» с «хорошими девками»³⁶. Не хотят они ехать и в «Суздаль-град» с его хмельными напитками.

По схожей причине Илья Муромец отказывается возлечь на ложе с прекрасной королевной, которая предлагает ему сотворить с ней «любовь телесную», — и тем самым избегает ловушки («Три поездки Ильи Муромца»).

Есть в былинах и отрицательные примеры. Так, песня про Константина Саульевича показывает, что сердце богатыря, охваченное греховными помыслами — стремлением к власти и земным сокровищам, — утрачивает духовную интуицию. В этом эпическом сюжете именно жажда господства приводит к тому, что жители Углича без труда заманивают юного героя в ловушку, обещая сделать его своим повелителем.

7. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9)

Илья Муромец, будучи атаманом богатырской заставы, постоянно занят тем, что по-отечески примиряет героев меж собой: Добрыню и Алешу, Добрыню и Дуная, Дюка Степановича и Чурилу Пленковича, князя Владимира и разгневанных

песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. Т. 3. С. 506.

³⁵ Заключение оклеветанного Ильи Муромца в погреб и спасение им Киева от Кудреванища-царя. С. 506.

³⁶ Алеша Попович, Еким паробок и Тугарин // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. С. 333.

на него богатырей под предводительством старого Самсона Колывановича.

Напротив, былинные антагонисты — такие, как Сокольник — никогда не стремятся к примирению; они не считают нужным даже узнать у своих противников, как их зовут. При этом богатыри христианского типа всегда спрашивают имя врага в надежде решить дело миром — и нередко это удерживает их от тяжкого греха: так, королевич Петр не убивает своего потерявшегося в детстве брата Луку («Королевичи из Крякова»), а Илья Муромец — своего сына, выросшего без отца («Илья Муромец и Сокольник»).

Талант вежества, которым обладает Добрыня, чрезвычайно востребован в былинном мире — ведь он позволяет избежать раздоров. Важнейшую миссию этот богатырь выполняет, когда мирит Илью Муромца с киевским князем («Илья Муромец в ссоре с Владимиром»). Вместе с побратимом Василием Казимировичем, главным героем одноименной былины, молодой Добрыня до последнего стремятся сохранить мир с царем Бутеяном, которому Киев выплачивает дань. Впрочем, для поддержания мира с этим властителем одного вежества недостаточно: необходимо проявить ловкость и силу. Приехав к Бутеяну с посольством, богатыри соглашаются принять участие в состязаниях — и, побеждая лучших борцов, стрелков и шахматистов Бутеяна, демонстрируют непревзойденную силу русского воинства (а, следовательно, и бессмысленность завоевательных походов на Русь).

Вообще говоря, суть «богатырской работы» в былинах — поддержание мира. Своими подвигами, совершенными ради веры и страдающих ближних, герои распространяют молву о святорусском богатырстве как социальном институте и тем самым умножают славу Божию. Пока существует такой институт, иноземные властители не отваживаются идти войной на русскую землю.

Подчеркнем особо тот факт, что миротворчество в былинах совершенно бескорыстно: оно не приносит богатырю ни наград, ни славы.

8. «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:10)

Пока богатыри хранят русскую землю, гонения на христиан здесь невозможны. Однако и там, где нет притеснения за веру, человек может быть изгнан за одну свою стойкость к грехам и соблазнам. Былинные витязи христианского типа — герои не от мира сего, они служат не ради славы, *не* за дары и почести. Вот почему протагонисты русских эпических песен нередко становятся жертвами клеветы и зависти всех тех, чьи грехи (например, тщеславие или честолюбие) они невольно обличают самой своей жизнью.

«Люди лукавые» и «бояры подмуччивые» пытаются оттеснить богатырей от князя или даже изгнать их из Киева. Так, например, по боярскому навету Илья дважды попадает в опалу и один раз оказывается заключенным в темницу на много лет («Илья Муромец и Калин-царь»).

Бояре клеветуют и на Василия Игнатьевича и подталкивают Владимира к тому, чтобы тот выдал его татарскому царю Батыге («Василий Игнатьевич и Батыга»).

Претерпевает за правду и Касьян, главный герой былины «Сорок калик со каликою». Будучи оклеветанным княгиней Апраксией, он оказывается исторгнутым из сообщества богатырей-паломников и казненным за воровство.

9. «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5:11–12)

Эта заповедь — о высшем проявлении любви к Богу, о готовности отдать жизнь за Христа, даже принять мученический венец за Него. Примеры следования цитированной заповеди тоже обнаруживаются в русских былинах.

В частности, Илья Муромец, оказавшись в плену у Калина-царя, отвергает предложение последнего о переходе на его сторону, что означало бы отречение от христианского Бога, от защиты святынь и самой православной веры:

«Говорит собака ли царь Кáлина:

<...>

Ай же, старый ты козак да Илья Муромец,
Не служи-ка ты князю ведь Владимиру,
Ничего ведь вы от князя не предвидите.
А служи ты мне, собаке царю Кáлины,
Положу я тебе ествушку й сахáрнию,
Положу я тебе питьвица медвяными,
Я дарить буду й дары драгоценны»³⁷.

На эти слова Илья отвечает с предельной прямоотой:

«Не могу я служить тебе, собаке царю Кáлины,

<...>

Сохранять мне надо стольний Киев-град,
Сберегать я й буду церкви Божии,
Сохранять буду веру православную...»³⁸.

Калин-царь действует в этом эпизоде как знаток человеческих страстей и слабостей: снова и снова он пытается соблазнить богатыря земными сокровищами, а когда это так и не дает результата, угрожает Илье казнью:

«Говорит-то всё ведь царь поганой-от да всё неверной-от:

"Вы возьмите-ко да стрелоцьки калёныя,

Вы стреляйте-тко ёму всё во ясны́ оци".

Тут ведь говорит-от царь да таковы речи:

"Послужи-тко мне, Илейко, хоць три годика"»³⁹.

Илья готов принять мученическую кончину; его уже ведут на казнь, однако Бог посылает ангела, который избавляет Муромца от оков, продлевая годы его богатырского служения.

В былинах за веру умирает другой богатырь — новгородец Василий Игнатьевич по прозвищу Васька Пьяница. Как мы узнаем из сюжета о паломничестве Василия Буслаева, этот персонаж некогда отправился защищать Святую землю от сарацин, но в какой-то момент был взят ими в плен:

³⁷ Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром [Илья Муромец и Калин-царь] // Былины Ивана Герасимовича Рябина-Андреева. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. С. 51.

³⁸ Там же.

³⁹ Илья Муромец и Бадан (Батый) // Беломорские старины и духовные стихи. С. 51.

«...свезали у меня руки белыя,
Сковали у меня ноги резвыя,
Стали приводить во свою веру,
Во свою веру, сорочинскую.
Не пошел я в веру сорочинскую,
Отрубили у меня буйну голову...»⁴⁰.

Итак, по отношению к Заповедям блаженства былинных богатырей можно с легкостью разделить на три типа:

1) те, кто знают эти заповеди и стараются их соблюдать, а если и поддаются соблазнам, то приносят плоды покаяния и духовно поднимаются после падения; такие герои в русском эпосе побеждают и торжествуют. К их числу относятся Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич, Никита Романович, Микула Селянинович, Данила Игнатьевич и Михайло Данилович. С точки зрения христианина (а таковыми были все русские сказители былин), эти персонажи являют собой пример подлинного богатырского служения;

2) те, кто изначально склонны ко греху, подвержены страстям и о Заповедях блаженства не помышляют, однако находят в себе силы покаяться и послужить Богу и ближним. Таковы сам князь Владимир и его супруга Апраксия, Святогор, Михайло Потык, Василий Игнатьевич, Иван Годинович, Константин Саульевич и Садко;

3) наконец, отрицательным примером для слушателей являются те персонажи, которые не могут покаяться и преобразиться. Эти богатыри мотивированы личной славой и личной имущественно-знаковой честью (или же желанием отомстить за личное бесславие или бесчестие). К их числу принадлежат Дунай Иванович, Василий Буслаев, Чурило Пленкович. О таких героях складывались двучастные былины-диптихи: в первой части герой добивается своей цели, а во второй части — погибает. Единственное исключение в этом роде — Волх Всеславович (это обстоятельство, впрочем, можно объяснить тем, что до нас дошла только первая часть диптиха о нем).

Следование Заповедям блаженства в былинах непременно вознаграждается, т. е. мыслится как нормативное поведение. Но может ли этот вывод служить доказательством того, что

⁴⁰ Василий Буслаев и новгородцы // Былины: в 25 т. Т. 4. С. 491.

христианские смыслы русского эпоса являются его глубинным содержательным слоем? Не вызывает сомнений, что сказывание былин было культурной практикой христиан. Но вправе ли мы заключить, что былины изначально создавались именно как христианский текст?

Ученые до сих пор не смогли представить убедительных доказательств существования в богатырских старинах какого-либо дохристианского смыслового слоя: речь идет не об умозрительных оценках Микулы Селяниновича как имеющего явные «языческие истоки» [Успенский: 53], а Ильи Муромца и Добрыни Никитича — как восходящих к образу бога-громовержца [Иванов, Топоров: 166–171]. В былинах невозможно найти хотя бы два или три примера сюжетообразующего поступка героя, который был бы мотивирован ценностями «ветхого человека», а герой при этом избежал бы гибели.

Напротив, подавляющее большинство поступков, совершаемых героями былин в соответствии с Заповедями блаженства, играют сюжетообразующую роль и обеспечивают как связность повествования, так и цельность ключевых образов и мотивов, «сшивающих» отдельные былины единым смыслом, сквозной логикой духовных законов, очевидных православному христианину.

Например, если попытаться исключить сюжет об исцелении Ильи Муромца Иисусом Христом и апостолами (на оценке этого сюжета как позднейшего настаивала, в частности, А. М. Астахова [Астахова: 36, 152]) и изъять из былины данное герою благословение — стоять за веру, за вдов и сирот, — то слушатель, не имея представления об особой природе богатырской силы Ильи и о смысле его служения, не поймет такие сюжетные детали, как:

- отказ Муромца принять богатые дары от жителей Чернигова и остаться в их городе воеводой;
- его нежелание принять огромное количество золота от жены Соловья в качестве выкупа за ее супруга;
- защита богатырем детей Соловья перед киевским князем;
- несогласие Ильи жениться на дочери Калина-царя, хотя это сделает его зятем и наследником самого могучего властителя на земле.

Понять эти (и многие другие) сюжетные подробности можно лишь при одном условии: если исходить из того, что Илья получил свою силу для служения Богу и ближним — и остался верен Христовым заповедям.

Кроме того, если предположить, что исходный смысл былины «Алеша Попович и Змей Тугарин» строится вокруг поступков героя-нехристианина, то такой герой, победив соперника, должен либо занять его место в качестве возлюбленного княгини Апраксии, либо узурпировать трон самого Владимира. При этом в обоих случаях цикл о киевских богатырях не смог бы сложиться. В первом варианте князь был бы обещен Алешей, что исключает его восприятие богатырями как достойного властителя, на службе у которого пристало находиться; во втором варианте формирование цикла также было бы невозможно, ведь Алеша не имеет и не может получить (победив Тугарина хитростью) каких-либо прав на престол, а вокруг узурпаторов власти эпические циклы не складываются.

Исходя из сказанного следует признать, что былины изначально создавались в христианской среде и имели христианизующую функцию. Перед нами песни о героях нового типа, которые последовательно противопоставляются антагонистам, ориентированным на ценности «ветхого человека» и действующим по законам нехристианского эпоса.

Таким образом, «языческое» в русской эпической поэзии не может быть понято в качестве древнейшего смыслового слоя; эти мотивы и образы создавались одновременно с мотивами и образами христианскими в целях этического и эстетического контраста: действия, противоречащие Заповедям блаженства, совершают лишь отрицательные персонажи. Обесценивание нехристианских моделей поведения происходит в богатырских старинах за счет логико-временных связей между мотивацией поступка и его последствиями, — связей, имеющих принципиальное значение для развития сюжета. Вне подобного этико-структурного принципа былины утрачивают свой смысл, а их герои — узнаваемый характер.

Список литературы

1. Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. 396 с.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М.: Совр. писатель, 1995. Т. 1. 411 с.; Т. 2. 396 с.; Т. 3. 414 с. (Сер.: Славянский мир.)
3. Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. 256 с. EDN: VROVUL
4. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с. EDN: UFTQFJ
5. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М.: Изд-во МГУ, 1982. 245 с.

References

1. Astakhova A. M. *Russkiy bylinnyy epos na Severe* [Russian Bylina Epics in Northern Regions]. Petrozavodsk, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoy SSR Publ., 1948. 396 p. (In Russ.)
2. Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'no-go izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennykh narodov: v 3 tomakh* [Poetic Views of the Slavs on Nature: Experience of Comparative Study of Slavic Legends and Beliefs in Connection with the Mythical Tales of Other Related Peoples: in 3 Vols]. Moscow, Sovremennyy pisatel' Publ., 1995, vol. 1. 411 p.; vol. 2. 396 p.; vol. 3. 414 p. (Ser.: Slavic World.) (In Russ.)
3. Buslaev F. I. *Russkiy bogatyrskiy epos. Russkiy narodnyy epos* [Russian Heroic Epic. Russian Folk Epic]. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1987. 256 p. EDN: VROVUL (In Russ.)
4. Ivanov V. V., Toporov V. N. *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey: leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov* [Researches in the Field of Slavic Antiquities: Lexical and Phraseological Issues of Text Reconstruction]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 342 p. EDN: UFTQFJ (In Russ.)
5. Uspenskiy B. A. *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey: reliкты yazychestva v vostochnoslavyanskom kul'te Nikolaya Mirlikiyskogo* [Philological Researches in the Field of Slavic Antiquities: Relics of Paganism in the East Slavic Cult of Nikolai of Myra]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1982. 245 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Миронов Арсений Станиславович, *Arseny S. Mironov*, PhD (Philology, кандидат филологических наук, доктор Philosophy), Leading Researcher at философских наук, ведущий научный the Department of Intangible Cultural сотрудник отдела нематериального Heritage, D. S. Likhachev Russian культурного наследия, Российский Research Institute for Cultural научно-исследовательский институт and Natural Heritage (Bersenevskaya культурного и природного наследия nab., 18–20–22, str. 3, Moscow, 119072, им. Д. С. Лихачева (Берсенеvская наб., Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4344-6489>; e-mail: arsenymir@yandex.ru. д. 18–20–22, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 119072); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4344-6489>; e-mail: arsenymir@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 01.07.2026

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 07.09.2026

Принята к публикации / Accepted 08.09.2026

Дата публикации / Date of publication 18.09.2026